

Протоиерей Олег Митров,
член Синодальной комиссии по канонизации святых
благочинный церквей Наро-Фоминского округа Московской епархии

**Церковная политика императрицы Екатерины II
на примере жития священномученика Арсения (Мацеевича)**

XVIII век открыл новую страницу истории Русской Церкви. В России, воспринявшей от Византии теорию «симфонии двух властей», Церковь никогда не была совершенно свободной от государства, однако долгое время не зависела от него в своем внутреннем устройстве. Как бы далеко ни заходили нарушения этой симфонии, они все-таки оставались именно нарушениями, рано или поздно признававшимися таковыми самим государством. Государство как высший закон признавало над собой христианскую истину, носительницей которой была Церковь [19, с. 404].

Западный абсолютизм, родившийся в борьбе против Церкви и привнесенный на русскую почву Петром I, диктовал прямо противоположное понимание взаимоотношений между Церковью и государством. С принятием в 1721 году государственного акта – «Духовного регламента», насквозь пропитанного духом протестантизма, Церковь стала составной частью государственного аппарата. С этого времени вмешательство государства в церковные дела стало правовой нормой. Соборы и патриарха на 200 лет заменил Святейший Синод. Хотя Регламент провозглашал его коллегиальным (соборным) органом управления Церковью, но фактически власть над нею сосредоточилась в руках императора. Позднее эта власть осуществлялась через обер-прокурора Святейшего Синода, которым мог быть и вовсе неверующий человек, как например, обер-прокурор Чебышев П.П. (1768-1774).

Логическим продолжением этих реформ стало изъятие церковного имущества, проведенное императрицей Екатериной II в 1764 году. Если до этого светская власть лишь ограничивала права Церкви в пользовании земельными владениями и изымала часть доходов от них на государственные нужды, в то время как право владения по-прежнему оставалось за Церковью, то после указа 1764 года все церковные учреждения устранились от управления этим имуществом, и все доходы от него поступали в государственную казну, а архиерейские кафедры, монастыри и приходские церкви переводились на государственное содержание. Размах этого ограбления Церкви хорошо иллюстрируют следующие цифры: к 1783 году доход, полученный с бывших церковных имений, составил 4 млн. рублей, а на нужды Церкви государство ассигновало лишь 1/8 этой суммы [8, с. 471].

Особенно сильно эти реформы ударили по монастырям. Начав с притеснения монастырей при Петре I, затрудняя постриг, наполняя монастыри инвалидами, солдатами и колодниками, государство закончило этот процесс закрытием 2/3 монастырей в России (после секуляризации 1764 года из 1201 монастыря, существовавшего в 1700 году, осталось лишь 387) [13, с. 277, 283].

Таким образом, реформы XVIII века в отношении Церкви фактически явились гонением на нее. Почти все русские иерархи были против этих преобразований, но ограничились молчаливым недовольством. Однако были в XVIII веке епископы, которые решительно стали на защиту Церкви. Одним из них, и, наверное, наиболее непреклонным и ревностным, был митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич; 1697-1772).

Еще в 1742 г., когда указом Елизаветы Петровны он был назначен на Ростовскую кафедру и членом Синода, владыка отказался принять Петровско-Феофановскую формулу присяги для членов Синода (формулу, мучившую совесть русских архиереев вплоть до 1901 года). Митрополит Арсений, в частности, считал унижительными для архиерейского сана слова: «исповедаю же с клятвою крайнего судию сея Коллегии быти Самую Всероссийскую

монархиню Государыню нашу всемилостивейшую» [8, с. 425]. Взамен владыка предлагал: «исповедаю же с клятвою Крайнего Судию ... сего церковного правительства быти – Самого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». В термине Крайний Судья в приложении к лицу императора митрополит Арсений видел «излишнее ласкательство во унижение или отвержение ... Самого Христа» [6, с. 18]. А когда Синод письменно запросил митрополита Арсения о причинах отказа от присяги, он ответил, что присяга эта не согласна «с верой в Главу Церкви Христа и более прилична присяге римскому папе» [8, с. 425].

В период коронации императрицы Елизаветы митрополит Арсений составил пространную записку «О благочинии церковном», которая была представлена императрице Елизавете за подписями архиепископа Амвросия (Юшкевича) и владыки Арсения. Записка митрополита Арсения состояла из двух частей. В первой части давалась критика управления Русской Церковью с точки зрения церковного права, и доказывалось, что институт Святейшего Синода при отсутствии Патриарха не имеет канонической основы. Во второй части описывались «нападки и грабительства» Коллегии экономии [12, с. 184]. Из всего сказанного автор делал вывод о необходимости восстановления патриаршества. В крайнем случае, владыка был готов мириться с существованием синодального управления, но совершенно независимого от государства и возглавляемого либо Патриархом, либо иерархом равным ему по полноте власти. Не Петр I, говорилось далее в записке, являлся подлинным виновником антицерковных реформ, а его советчик архиепископ Феофан (Прокопович), который был одержим «духом протестантским и чуть ли еще не горшим» [12, с. 184-185].

Записка митрополита Арсения «О благочинии церковном» явилась первым официальным протестом российской иерархии против синодальной системы. Протест возымел действие лишь отчасти. Сама система осталась незыблемой, но указом императрицы от 15 июля 1744 года управление церковными вотчинами было из ведения Коллегии экономии передано Святейшему Синоду [12, с. 185-186].

В это время дворяне продолжали ставить вопрос о реквизиции церковных земель. Для решения этой задачи императрица Елизавета под их давлением учредила при Дворе особую Конференцию. В итоге 30 сентября 1757 года императрица подписала именной указ, который требовал, «чтобы архиерейские и монастырские имения управлялись не монастырскими служками, а отставными офицерами» и деревни были отданы помещикам [8, с. 443-444].

Митрополит Арсений, заручившись поддержкой единомышленников ему архипастырей, написал канцлеру графу А.П. Бестужеву горячее письмо, а также ходатайствовал к императрице через графа Разумовского. Благодаря этим ходатайствам императрица Елизавета фактически отказалась радикально провести реформу. Осведомленная о мнениях авторитетных церковных иерархов, она остановила проведение закона в жизнь, сказав: «как хотят после моей смерти, а я не подпишу» [8, с. 458].

Воцарившийся после ее смерти император Петр III по происхождению и воспитанию был иностранцем, которому были чужды Россия и ее Церковь. Он был лютеранин по крещению и до 14 лет жил в герцогстве Голштиния (Германия), откуда императрица Елизавета вызвала его в Петербург. Здесь 29 июня 1742 года он перешел в Православие, но открыто выражал презрение к Православной Церкви и ее обрядам. Однажды в беседе с Новгородским архиепископом Димитрием (Сеченовым), император высказал желание, «чтоб из всех образов, находящихся в церквах, оставлены были в них одни изображающие Христа и Богородицу, а прочих бы не было; также чтоб всем попам предписано было бороды свои обрить и вместо длинных ряс носить такое платье, какое носят иностранные пасторы» [12, с. 188].

Не любивший Православия, иерархии и монашества, Петр III подписал указ о полной секуляризации недвижимых церковных имуществ с передачей синодальной Коллегии экономии, ведавшей ими, в ведомство Сената. В указе обобраным церковным владельцам с издевкой цитируются евангельские слова: «взгляните на птиц небесных... и на полевые лилии».

28 июня 1762 года произошел дворцовый переворот, в результате которого на престол вступила императрица Екатерина II. Воспитанная в строго протестантском духе, она так и не стала православной, как никогда не была и искренней лютеранкой. Ее конфессиональная принадлежность оставалась для нее делом внешним. Она всегда рассматривала церковные и религиозные вопросы с точки зрения государственных интересов. В вопросе церковной собственности императрица была убежденной сторонницей ее изъятия в пользу государства.

Перед народом она подчеркнуто демонстрировала свою принадлежность Православию: охотно называла себя «благочестивой императрицей», даже «главой греческой Церкви» [12, с. 192], ходила из Москвы пешком на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, целовала руки духовенству, ездила в Киев и поклонялась печерским угодникам. При этом современники отмечали, что она «была совершенно равнодушна ко всему священному» [5, с. 78]. В одном из писем к Вольтеру сама императрица писала: «Что касается свидетельств об исповедании, они для нас не важны... Мы позволяем каждому верить в то, что ему нравится» [12, с. 191]. Щекотливую для себя проблему престолонаследия императрица решила ссылкой на то, что взойшла на трон ради защиты Православной веры [11, с. 490].

12 августа 1762 года Екатерина II издала манифест, в котором церковные земли передавались в управление Церкви. Но надежды духовенства оказались напрасными, уже 29 ноября 1762 года ею был издан указ об учреждении Особой Комиссии о церковных имениях. Главной задачей Комиссии было выяснение «истинных доходов от церковных имений», и, соответственно этому, учреждение «штатов», то есть жалования из казны. Для этого было предписано провести опись церковных имуществ [1, с. 728].

В такой ситуации митрополит Арсений не мог молчать. В Неделю Православия 9 февраля 1763 года он совершил с собором ростовского духовенства праздничное богослужение с положенным анафематствованием еретиков и врагов Церкви, в тексте которого он сделал, однако, собственные дополнения: «Все насильствующие и обидящие святости Божии церкви и монастыри, отнимающе у них данная тем... имения... яко крайние врази Божии, да будут прокляти» [12, с. 200].

На второй неделе Великого поста 1763 года к митрополиту Арсению прибыл Переяславльский епископ Сильвестр (Старгородский), который был назначен в состав учрежденной комиссии и оставил владыке Арсению инструкцию императрицы от 29 ноября 1763 года. В этой инструкции излагалась система управления церковными вотчинами: 1) чтобы содержание духовенству назначить не роскошное; 2) богатые средства церковных вотчин употребить на народное просвещение: на устройство школ, гимназий, академий; 3) остатки доходов употребить на правильно организованную общественную благотворительность [10, с. 111].

Ознакомившись с этой инструкцией, 6 марта 1763 года митрополит Арсений отправил в Святейший Синод первое письмо, в котором излагались критические замечания к манифесту от 12 августа и инструкции от 29 ноября 1763 года [12, с. 200].

В письме он подчеркивал, что до Петра III все князья и цари признавали за Церковью право собственности на церковные вотчины. Как можно употребить церковный доход на предметы нецерковные? Каноны грозят отлучением всякому восхитителю церковного имущества [23, с. 460-461].

Митрополит Арсений напомнил, что в своих манифестах императрица объявила себя защитницей Православия. Комиссия же разослала по монастырям и епархиальным управлениям счетоводные книги, чего не водилось даже при татарских ханах, которые, напротив, прямо признавали церковное землевладение. Владыка писал, что узникам и призреваемым жить легче, чем архиереям. Те никому не дают отчета в употреблении милостыни. «Горе убо нам, бедным архиереям, яко не от поган, но от своих, мнящих быти овец правоверных, толикое мучительство претерпеваем» [6, с. 6].

Митрополит Арсений критиковал также те части инструкции, которые касались духовных школ. Он обращал внимание на очевидное противоречие между изъятием у Церкви земель и требованием, чтобы Церковь создавала школы от низших до высших.

Подобные нововведения могли, как считал митрополит Арсений, привести к тому, что государство превратится в атеистическое. Владыка был весьма резок в отношении членов Синода, которые не смели ничего возразить враждебным Церкви придворным из окружения императрицы [6, с. 7-13].

15 марта 1763 года митрополит Арсений, с возмущением реагируя на начатую офицерами опись всего церковного имущества, в том числе и храмового и алтарного, и связанные с этим злоупотребления, отправил в Синод второе письмо. В нем он писал, что продолжение работы комиссии в прежнем духе приведет к истреблению Церкви и благочестия. Храмы, богослужение, утварь и все в Церкви придет в оскудение, о благолепии церковном не может быть и речи [1, с. 742-745]. И так может благочестие истребиться «от своих домашних, благочестивыми и сынами Церкви нарицающихся» [7, с. 18].

Получив первое письмо владыки Арсения, Новгородский архиепископ Димитрий (Сеченов) от имени Святейшего Синода представил императрице доклад. Писание митрополита Арсения, как резюмировал преосвященный Димитрий, есть «оскорбление Ее Императорского Величества, за что он (*митрополит Арсений*) великому подлежит осуждению» [1, с. 746; 12, с. 201]. Переданное Синоду уже на следующий день собственноручное распоряжение императрицы наметило главные черты приговора [12, с. 201-202].

Не успело еще второе письмо митрополита Арсения дойти по назначению, как в Вербную субботу после вечерни во двор Ростовского архиерея въехало несколько саней с приказом митрополиту Арсению: немедленно ехать под конвоем в Москву [15, с. 52]. 17 марта его привезли в Москву и «сдали» в Симонов монастырь «под крепкий караул». Шла Страстная Седмица, казалось бы, судебное дело можно было и отложить, но Екатерина II спешила. Суд начался 1 апреля во вторник на Фоминой неделе. Митрополит Арсений письменно дал ответы на поставленные ему вопросы: «В доношении своем 6 марта ничего к оскорблению Ее Императорского Величества быть не уповал, а все то писал по ревности и совести, чтоб не быть двоедушным». В дополнения к Чину Православия «грабители церковного имения потому внесены, что многие монастырские и церковные имения отымают, а суда на них сыскать не можно» [1, с. 747-748].

Приговор императрицы от 14 апреля звучал так: «...сан митрополита и священства снять, а... для удобнейшего покаяния преступнику, по старости его лет, монашества только чин оставить, от гражданского же суда и истязания мы, по человеколюбию, его освобождаем, повелевая нашему Синоду послать его в отдаленный монастырь под смотрение разумного начальника с таким определением, чтобы там невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабых и простых людей» [10, с. 145]. Этот приговор она повелела довести до сведения духовенства всех епархий.

День, назначенный для церемонии снятия сана, не утаился от народа, и он в значительном числе пришел в Кремль к Синодскому Двору. Солдатам пришлось раздвигать толпу, чтобы провести в Синодальную Палату заключенного митрополита Арсения. По

указанию императрицы, он был в полном внебогослужебном архиерейском облачении: в мантии, с панагией и жезлом. Синоду указано было присутствовать в полном составе вместе с обер-прокурором Козловским [8, с. 467]. Вошедшему митрополиту Арсению не дали сесть, и он выслушал приговор стоя, после чего синодский ризничий начал снимать с него архиерейские одежды и знаки сана. Прямо из Крестовой палаты в монашеской одежде митрополита Арсения повезли в Ферапонтов монастырь. Но вдогонку был послан дополнительный указ: везти еще севернее – в Корельский Никольский монастырь под Архангельск. Императрица дозволила владыке Арсению ходить в церковь и по монастырю лишь в сопровождении конвоя из четырех солдат, и приказала три дня в неделю водить монаха Арсения на черные работы. Офицер, назначенный ему надзирателем, потом с удивлением рассказывал, как 67-летний старец митрополит рубил дрова, таскал воду, подметал и мыл пол, «как святой», прибавлял он [16, с. 111].

Императрица, удовлетворенная «победой» над идейным врагом, не без торжества писала своему приятелю безбожнику Вольтеру: «...я в 1762 году выполнила план совершенно изменить управление именными духовенства и определить доходы лиц этого сословия. Арсений, епископ Ростовский воспротивился тому... Он отправил две записки, в которых старался провести нелепое начало двоевластия. Он... был судим митрополитом Новгородским и всем Синодом осужден, как фанатик, виновный в замысле противном, как православной вере, так и верховной власти, лишен сана и священства и предан в руки светского начальства. Я простила его и удовольствовалась тем, что перевела его в монашеское звание» [8, с. 468].

В Николо-Корельском монастыре митрополиту Арсению был отведен низкий и тесный каземат под алтарными сводами каменной Успенской церкви. Рядом с ним размещался прапорщик с четырьмя солдатами. Братия во главе с игуменом с уважением относились к находящемуся под арестом митрополиту. Владыка приобщался у престола, говорил проповеди, монахи брали у него благословение. В монастыре считали его мучеником, страдальцем за правду [20, с. 3].

В день рождения императрицы – 21 апреля 1767 года – монахи пришли к митрополиту Арсению с поздравлением. По обычаю в этот день за здоровье императрицы испивали вина. Владыка одному из пришедших – иеродиакону Лебедеву, отказал дать вина, потому что тот был очень пьян. Последний, известный пьяница, сразу же заявил, что митрополит Арсений, видно, не почитает государыню, коли жалеет для монахов вина выпить за ее здоровье [9, с. 317]. Через несколько месяцев он подал донос в Архангельскую губернскую канцелярию, началось расследование [14, с. 608-609].

Митрополит Арсений прямо излагал, как было дело, но архимандрит Антоний под нажимом следователей проявил малодушие и начал оговаривать узника, будто тот бранил Синод. Владыка Арсений ответил: «Нет, Синод я не бранил, а говорил, что я, будучи архиереем, писал в Синод так, как на Страшный Суд мне встать. И как Синод писанное мной растолковал, за то будет со мною судиться на Страшном Суде» [9, с. 332]. В заключение показаний он сказал: «Я и теперь утверждаю, что деревень от Церкви отбирать не надлежало» [10, с. 225].

Делу был придан характер политического процесса. Императрица с генеральным прокурором князем Вяземским составили следующий указ: «Оный же Арсений, имея на сердце собственное и ненасытимое от монастырских имений обогащение, ... рассеивал, что якобы Церковь разграбили, выговаривая при том, что де, и у турок духовному чину лучше, нежели в России, ... каковыя рассеивания открывают злостное его намерение, чтоб внушить в народе, якобы Церкви гонение происходит от верховной власти, и ... против оной поколебать во всеподданнической верности и усердии» [3, с. 44]. Приговор звучал так: «Лишить его, Арсения, монашеского чина... расстричь и одеть в мужичье платье, по

расстрижении же переименовать его Андреем Вралем и послать к вечному и неисходному содержанию в Ревель, где и велеть его, Вралья, содержать в тамошней крепости в одном каземате, под крепким караулом, не допуская к нему ни под каким видом... никого, и ... так его содержать, чтоб и караульные не только о состоянии его, но ниже и о сем его гнусном имени не знали. Для содержания же его в караул определить тамошняго гарнизона из состоящих иноземцев. Комендант должен неослабно смотреть, чтоб оный Враль содержан был неослабно, для того что уже из дела довольно видно, что оный Враль наполнен, сверх его злости, еще и ложной святостию» [3, с. 46-47].

29 декабря 1767 года над митрополитом Арсением в Архангельской Губернской Канцелярии был проделан предписанный обряд расстрижения. Ему обрили голову и бороду и одели в мужицкий кафтан, который был ему короток и узок. Все время молчавший владыка попросил оставить ему подрясник. Губернатор согласился было, но прокурор В.В. Нарышкин настаивал: «воля Ваша, но по указу надлежит исполнить» [2, с. 19].

Быстро приготовили все необходимое в дорогу. К саням приделали кибитку, наглухо обитую рогожей, и все это для прочности оковали железом. Туда посадили узника и конвоирующих его солдат и, почти без единой остановки, повезли на новое место ссылки с одной русской окраины на другую, еще не обрусевшую, где он не мог встретить никакого сочувствия.

За месяц до прибытия митрополита Арсения в Ревель приготовили в башне Гросштанпорт помещение, «только что способное к жизни человеческому» [18, с. 193]. Обер-комендант выбрал каземат, имеющий три метра длины и два ширины, сюда и поместили Ростовского митрополита под оскорбительным именем «некотораго мужика Андрея Вралья» [10, с. 243].

После двенадцатидневного безостановочного зимнего путешествия протяженностью в 2.000 верст, в закрытых санях, семидесятилетний старец был так разбит, что его полуживого внесли в каземат и бросили в камеру. Придя на следующий день, его нашли едва живым [10, с. 243].

Инструкция коменданту требовала, чтобы с арестантом не допускалось никаких сношений извне, «чтобы сей великий лицемер не привел и других к несчастью» [3, с. 53], если он «станет о себе разглашать, то сему верить не велеть», и если не замолчит, тут же в камере вставить ему в рот пыточный кляп, который для угрозы велено было все время держать на виду в камере [3, с. 54]. При таком положении митрополиту Арсению не от кого было узнать даже то, где он находится. Особенно опасалась Екатерина II сношений митрополита с духовенством. Поэтому она сама приписала к тюремной инструкции: «Попа при смертном часе до него допустить с потребою, взяв с попа подписку под смертной казнью, что не скажет о нем никому» [3, с. 55]. Наконец, велено было обо всем, касавшемся узника, ежемесячно доносить в Петербург самой императрице и не отдавать его никому без личного предписания Екатерины II [3, с. 55-56].

Поначалу содержание арестанта было предписано еще сносное: чтобы он «был сыт и одет», пища – «что от него прошено будет», а «для ночного времени покупать ему свечи» [3, с. 54-59]. Разрешалось давать книги (после смерти владыки в камере нашли: Новый Завет, Следованную Псалтирь, молитвенник, малый требник и святцы). Но при этом митрополита полностью изолировали от всякого общения с посторонними людьми. Около него были только солдаты, мало понимавшие его и неустанно сторожившие. Императрица не ошиблась в расчете, когда поместила митрополита Арсения в Ревель. Содержали его здесь очень строго. Караульные не могли относиться к нему с сочувствием, как в Корельском монастыре, так как из-за него они сами оказались на положении арестантов. Один из прапорщиков получил выговор за то, что позволил себе отлучаться в воскресные дни к богослужению и посещать знакомых в городе. Пять лет провел митрополит Арсений в этом могильном

заклучении. По ежемесячным рапортам в Петербург, которые посылались императрице, выходило, что арестант ведет себя тихо [10, с. 244-246].

Императрица сама напоминала надзирателям, чтобы они ни на минуту не оставляли арестанта без бдительного надзора. Она писала коменданту тюрьмы: «У вас в крепкой клетке есть важная птичка, береги, чтобы не улетела. Надеюсь, не подведешь себя под большой ответ... Народ его очень почитает исстари и привык его считать святым, а он больше ничего, как превеликий плут и лицемер» [18, с. 194].

Все последующее время жизни владыка Арсений провел в полном одиночестве - с 1771 года он был фактически заживо погребен. Его безвыходно затворили – даже и дверь была заложена, оставалось только окошечко, в которое ему подавалась пища.

Предвидя кончину, митрополит Арсений просил прислать священника со Святыми Дарами. Через два дня после причастия – 28 февраля 1772 года митрополит Арсений предал свою душу Богу и в тот же день вечером был похоронен как простой мирянин у северной стены деревянной Никольской церкви [18, с. 14]. Тюрьма опустела. Лишь на стене осталась надпись, выцарапанная, по-видимому, гвоздем и с большим трудом: «Благо мне яко смирил мя еси» [20, с. 5].

Память о священномученике Арсении благоговейно хранилась церковным народом, ходило множество списков с его писем и изображений, и наиболее частое – митрополит Арсений, стоящий в темнице, одетый в мужицкий кафтан, треух и валенки, у узкого окна с решеткой, на подоконнике лежит кляп. Тут же на стене обыкновенно изображался его портрет в одеянии святителя [10, с. 261].

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917-1918 годов вынес Определение о признании недействительным лишение сана митрополита Арсения (Мацеевича) [17, с. 46]. Архиерейский Собор 2000 года прославил владыку Арсения в лике святых Русской Православной Церкви [4, с. 70]. Память священномученика митрополита Арсения (Мацеевича) совершается в день его блаженной кончины 28 февраля / 12 марта.

Источники и литература:

1. Барсов Н. И., профессор. Арсений Мацеевич митрополит Ростовский (по поводу XXV тома «Истории России» г. Соловьева). // Русская Старина. Москва. 1876. Т. 15. С. 721-756.
2. Выписка из последовавших в нынешнем году случившихся новостей. // Русская старина. Москва. 1862. Кн. 2. № 4-6. Смесь. С. 15-20.
3. Дело об Арсении Мацеевиче. // Русская старина. 1862. Кн. 2. № 7. (Заимствовано из дела №119 Архива Святейшего Синода).
4. Деяние Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о канонизации // ЖМП. 2000. № 9. С. 69-71.
5. Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. // Чтения Московского Общества Истории и Древностей Российских. 1870. Кн. 3.
6. Доношение Святейшему Правительствующему Синоду от Ростовского митрополита Арсения [6 марта 1763 г.]. // Русская старина. Москва. 1862. Кн. 2. № 4-6. Смесь. С. 25-39.
7. Доношение Святейшему Правительствующему Синоду от Синодального Члена, Преосвященного Арсения, митрополита Ростовского и Ярославского [15 марта 1763 г.] // Попов. М. С., священник. Арсений Мацеевич митрополит Ростовский и Ярославский. СПб. 1905. Приложение.
8. Карташов А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Москва. 1997. Том II. С. 456-480.
9. Морошкин И., священник. Арсений Мацеевич Митрополит Ростовский в ссылке. Исторический очерк по вновь открытым материалам. // Русская старина. Москва. 1885. Т. 45. С. 311-338. Март. С. 611-628. Т. 46. Апрель. С. 53-86.
10. Попов М. С., священник. Арсений Мацеевич митрополит Ростовский и Ярославский. СПб. 1905 г.
11. Русский Архив. 1865. С. 490.
12. Смолич И. К. История Русской Церкви (1700-1917). Ч. 1. История Русской Церкви. Кн. 8. Москва. 1996. С. 182-205.
13. Смолич И. К. Русское монашество (988-1917). Москва. 1999.
14. Тальберг Н. История Русской Церкви. Москва. 1997.
15. Титов А. А. Летописец о Ростовских архиереях. СПб. 1890. С. 18-20, 47-53.
16. Толстой М. В., граф. К жизнеописанию Арсения Мацеевича. // Ярославские епархиальные ведомости. 1868. № 14. С. 111-115.
17. Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви (1917 –1997). История Русской Церкви. Кн. 9.
18. Чтения Московского Общества Истории и Древностей Российских. 1862. Кн. 3. С. 135-194.
19. Шмеман А., протопресвитер. Исторический путь Православия. Киев. 2003
20. С. Протест Арсения Мацеевича и последняя судьба его. // Русский вестник. 1862. Современная летопись. № 49. С. 1-4. № 50. С. 1-5.